

Системность уголовного закона: фундаментальное требование или фантом?

А. А. СЕРЕДИН – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье раскрывается системность как базовое требование законодательства, демонстрируется противоречивый характер уголовного закона, несбалансированность его элементов, терпимость законодателя и общества в целом к фактической бессистемности права. В аспекте необходимости реализации системного подхода автором достаточно подробно раскрыты вопросы об истоках системных проблем уголовного закона, разграничении преступного и непроступного, взаимном влиянии норм Общей и Особенной частей УК РФ, соответствии наказуемости за конкретное преступление тяжести последнего, допустимости использования отдельных мер правового реагирования в качестве уголовно-правовых либо иных, затронуты смежные проблемы систематизации отечественного законодательства в глобальном смысле.

Анализируется основа законодательной системы. Считая требование системности ключевым пунктом законодательного конструирования, автор попытался продемонстрировать необходимость закрепления взаимосвязи ее элементов на основе единых критериев. Последним в статье уделено особое внимание. В этой связи обосновывается необходимость использования в целях систематизации соответствующего инструментария: шкалы измерения общего уровня общественной опасности, шкалы измерения уровня общественной опасности, шкалы определения уровня карательного воздействия шкалы определения уровня карательного воздействия мер государственного принуждения в рамках различных отраслей права. В общем виде предлагаются меры по урегулированию недостатков уголовного закона в части бессистемности.

Ключевые слова: системность; систематизация; разграничение преступного и непроступного; наказуемость; соотносимость мер государственного принуждения; шкала общественной опасности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Середин А. А. Системность уголовного закона: фундаментальное требование или фантом? *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 2 (12), с. 91–95, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-91-95.

The systemacy of the criminal law: fundamental requirement or phantom?

A. A. SEREDIN – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor

The content of the work reveals systemacy as a basic requirement of the legislation. The article demonstrates the contradictory nature of the criminal law, the imbalance of its elements, the tolerance of the legislator and society as a whole to the actual unsystematic nature of law. In the aspect of the need to implement a systematic approach, the author discloses in sufficient detail the issues of the origins of the systemic problems of the criminal law, the delimitation of criminal and non-criminal, the mutual influence of the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, the correspondence of the punishment for a specific crime to the gravity of the latter, the admissibility of using certain measures of legal response as a criminal-legal or otherwise, related problems of systematization of domestic legislation in a global sense are touched upon.

The basis of the legislative system is analyzed. Considering the requirement of consistency as a key point of legislative design the author tried to demonstrate the need to consolidate the interrelation of its elements on the basis of common criteria. Special attention is paid to the latter in the article. In this regard the necessity of using the appropriate tools for systematization is substantiated: a scale for measuring the general level of public danger, a scale for measuring the level of public danger, a scale for determining the level of punitive influence, a scale for determining the level of punitive influence of measures of state coercion within the framework of various branches of law. In general terms measures are proposed to resolve the shortcomings of the criminal law in terms of unsystemacy.

Key words: systemacy; systematization; differentiation of criminal and non-criminal; punishability; the correlation of measures of state coercion; scale of public danger.

12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal law.

For citation: Seredin A. A. The systemacy of the criminal law: fundamental requirement or phantom? *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2 (12), pp. 91–95, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-91-95.

Вопрос, поставленный в названии статьи, только на первый взгляд кажется странным. Будучи основанным на требованиях системности, уголовный закон способствует достижению поставленных целей и реализации заложенных в нем принципов. Однако по причине сложности рационального сопоставления законодательных элементов о ней говорят мало, несмотря на явное наличие проблемы.

Полагаем, что в объективной действительности, естественной среде трудно найти объект, который по своей сути, внутренним свойствам не являлся бы системой. Например, шарики в корзине. Данная физическая система основана на силе трения, притяжения земли и является идеально сбалансированной, поскольку в полной мере безошибочно подчинена физическим законам, действующим на нее. В области юриспруденции ситуация иная: правовая система, будучи созданной искусственно, представляет собой понятие относительное, конвенциональное, то есть договорное (как «договорятся» законодатели). По своей природе законы социальны, создаются людьми и, в отличие от естественных систем, могут лишь отчасти отвечать «основам своего построения», нередко вступая с ними в противоречие. В качестве соответствующих основ в социальных системах используются общественные запросы и потребности. Конечно, как в любой сфере человеческой деятельности, в области законодательства существуют и применяются собственные законы – правила юридической техники, законодательной техники как ее части (технические средства, технические приемы, технические правила)¹. Однако как продукт, сделанный человеком, они несовершенны.

В основе противоречия лежат несколько причин: во-первых, естественное несовершенство человеческой природы (законодатель, принимая сложное управленческое решение, не в силах полностью предвидеть возможные его влияния (прямые и косвенные, ближние и отдаленные) на социальные объекты); во-вторых, принятые формулировки иногда заведомо несовершенны – они исчерпывающим образом и в полном объеме не отражают взаимовлияние и взаимозависимость в структуре законодательных систем (например, императивно закрепленное решение о возрасте уголовной ответственности); в-третьих, полноценно не производится оценка применения закона. Уяснить обоснованность норм Уголовного кодекса возможно с использованием категории эффективности. Для этого следует отследить достижение основных ориентиров применения уголовно-правовых норм, прежде всего задач уголовного закона и целей наказания. Залогом эффективности закона выступают его системное содержание и применение. Именно высокая эффективность применения уголовно-правовых норм является главным результатом реализации уголовной политики.

Всеобщее признание необходимости широкого распространения идей системности в науке и технике возникло достаточно поздно – в XX в. Именно этим временем датируются разработка и издание большого количества монографий на соответствующую тему. Это не значит, что до этого момента человечество не осознавало потребность в системном подходе. Так, в отечественной истории развития уголовного законодательства вопросам систематизации впервые было уделено пристальное внимание в период создания Свода законов Российской империи 1832 г. Но и до этого времени человечество

также стремилось к воплощению системного подхода на уровне законодательства, однако в логике изложения системность проследивалась скорее интуитивно.

Законодательная система представляет собой во многом онтологическое явление, закрепленную конструкцию, обладающую признаками исторической изменчивости. Несмотря на это, оценивать систему, отслеживать ее взаимосвязи имеет смысл лишь в статичном состоянии в конкретный исторический период и лишь в отдельной стране. Иначе такая оценка теряет смысл в связи с меняющимися нравственными, политическими, иными ориентирами и разными подходами к оценке конкретных деяний в законе различных государств. Например, во времена Колумба за табакокурение в Европе была предусмотрена смертная казнь, а наркотики имели свободное хождение до начала XX в. Сегодня отношение в корне поменялось.

Любая законодательная система конструируется контролирующими ее институтами. Они определяют содержание правовых норм, учитывая их взаимное влияние и взаимозависимость. Как и любая социальная система, уголовно-правовая разновидность не является совершенной и не может быть таковой. Роль законодателя не в том, чтобы устранить все противоречия. Это, видимо, невозможно. Роль законодателя – свести противоречия к минимуму там, где это возможно. Для этого должна быть соблюдена логика построения.

Любая система имеет свою основу. В качестве таковой в УК РФ выступают задачи и принципы. Формально выдвигаемые тезисы в рамках ст. 2–7 УК РФ, на первый взгляд, логичны и отторжения не вызывают. В целях решения названных задач и реализации принципов с позиции системного подхода определен круг наиболее опасных деяний для их включения в уголовный закон в качестве преступлений, установлены и конкретизированы наказания и иные меры уголовно-правового реагирования на совершение преступления.

Остановимся более подробно на проблемах системы уголовного закона.

Во-первых, это вопрос разграничения преступного и не преступного, проблема определения принадлежности конкретных деяний к сфере отдельных отраслей права. Следует верно определить круг деяний, подлежащих криминализации. Чаще всего конкурирующими в этом смысле являются уголовное и административное право. Масса деяний, из разряда посягающих на

собственность, экономические отношения, экологическую безопасность, различаются лишь размером причиненного ущерба.

Дело в том, что закон не отражает объективную реальность, содержание правовых норм. Понятия «преступление» и «преступность» – это некие ярлыки, призванные обозначить противоправное поведение. Преступление не объективная категория, оно является следствием существования уголовного закона, который сочиняют люди.

Интересна фраза П. Филмера, М. Филиппсона, Д. Силвермана, Д. Уолша, опубликованная на страницах коллективной монографии: «Преступление – это юридическая категория... И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон»². В зависимости от того, нормы об ответственности за какие деяния будут включены в текст уголовного закона, будет определен круг положений, подлежащих систематизации. Следствием существования закона является целый ряд правоотношений, которые также взаимозависимы и должны соотноситься друг с другом надлежащим образом по определенным критериям. Отсутствие должной системы уголовно-правовых норм предопределяет социальные противоречия.

На интуитивном уровне возникают более конкретные вопросы криминализации (декриминализации). Например, почему преступлением является нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ), а в 2011 г. без научно обоснованной аргументации была декриминализована товарная контрабанда (ст. 188 УК РФ)? Понятная логика, в рамках которой законодатель «отсек» бы подлежащие криминализации деяния от других, отсутствует. Эта работа проводится больше по наитию.

Во-вторых, проблемой является наказуемость за конкретное преступление. Конструирование санкции предполагает соблюдение принципа строгого соответствия деяния и воздаяния. Отсутствие должного соотношения влечет за собой противоречия. Например, единственной причиной выделения специальных составов преступлений является дифференциация наказания. Однако подход законодателя к этой работе вызывает принципиальные вопросы. Так, в уголовном законе существуют ситуации, при которых законодатель, выделяя общие и специальные составы преступлений, предусматривает за их совершение тождественные либо весьма близкие друг к другу по степени строгости наказания. Например, ч. 1 ст. 143 УК РФ об ответственности за на-

рушение требований охраны труда, если это повлекло по неосторожности тяжкий вред здоровью, лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, являясь специальным по отношению к составу ч. 2 ст. 118 УК РФ об ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, предусматривает однородное с последним наказание – до одного года лишения свободы. Различие санкций в части менее строгих видов наказаний при этом является во многом косметическим: в обоих случаях санкции являются в значительной мере альтернативными, обе они помимо лишения свободы предусматривают наказание в виде принудительных работ, остальное – их срок и размер – является вполне сопоставимым по своей строгости.

Проблема соотношения деяния и воздаяния в данном контексте многоаспектна и только лишь вопросами конструирования санкций не исчерпывается. Практически не урегулированы или урегулированы только в общем виде вопросы степени ответственности соучастников, определения критериев учета обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, видов умысла и неосторожности, конкретных способов, обстановки, иных признаков состава преступления в их влиянии на конечную наказуемость содеянного. Основная трудность заключается в отсутствии соответствующего механизма взаимного учета элементов системы.

В-третьих, существует проблема определения допустимости использования конкретных мер правового реагирования в качестве уголовно-правовых либо иных. В случае действия презумпции применения в рамках уголовного закона наиболее суровых мер ответственности в определенных случаях необходимо пересмотреть законодательную регламентацию, при которой близкие по содержанию карательного воздействия и основаниям применения меры назначаются на основе норм различных отраслей права. Например, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, применяемое в первом случае к несовершеннолетним за совершение преступления при наличии отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, и неспособности в связи с этим осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; во втором – к лицам, не достигшим возраста уголовной

ответственности; в третьем – при освобождении от наказания. Все три основания применения названы в тексте Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», и только последнее имеет двойное нормативное регулирование, поскольку содержится в тексте уголовного закона (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Считаем данную ситуацию не отвечающей требованиям системности. Во всех трех случаях основанием применения данной меры является факт совершения преступного деяния с применением одной меры. Соотнести строгость ответственности с особенностями личности совершившего данное деяние более продуктивно в едином нормативном акте, а не в разных. Кроме того, нормами уголовного закона следует установить правила определения срока содержания в специализированном учреждении подобно тому, как это сделано в отношении лишения свободы. Сегодня установлен лишь предельный срок пребывания – три года.

Залог успешной систематизации – в разработке четких критериев ее проведения. Однако основная проблема системного подхода в данном случае заключается не в отсутствии ясного критерия систематизации: понятно, что это общественная опасность деяния и соответствующий ему уровень карательного воздействия. Трудность – в осмыслении приемов законодательного закрепления шкалы измерения данных величин. В нашем случае необходимо разработать четыре соответствующие шкалы.

Шкала измерения общего уровня общественной опасности, которую не в полной мере можно отнести к критериям упорядочения уголовного закона. Это, скорее, инструмент систематизации законодательства в целом. Она позволяет разграничить сферу распространения уголовного и иных отраслей законодательства на различные деяния, способные принести вред. Однако без воплощения данного подхода в сфере уголовно-правовой систематизации мы столкнемся с ошибкой в подборе элементов собственно уголовно-правовой систематизации.

Шкала измерения уровня общественной опасности, позволяющая на научной основе дифференцировать ответственность виновного в преступлении, и соответствующая ей шкала определения уровня карательного воздействия. И если шкала определения уровня карательного воздействия в принципе понятна и давно реализуется (в качестве таковой используются вид, срок или

размер наказания), то основная проблема состоит в том, как оптимально установить шкалу определения уровня общественной опасности. В основу закрепления последней должны быть положены очевидные признаки состава преступления: объект, последствия, форма вины, в определенных случаях факультативные признаки.

В этом смысле задачу систематизации следует признать решенной с момента, когда будет найдено оптимальное соответствие между уровнем общественной опасности деяния (шкалой ее определения) и объемом карательного воздействия (также на основе шкалы ее определения).

В качестве последнего, четвертого, инструмента должна выступить шкала определения уровня карательного воздействия мер государственного принуждения в рамках различных отраслей права. Это позволит не назначать сходные и даже тождественные по содержанию меры, применяемые сегодня по однородным основаниям в рамках разных отраслей права. Например, самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней в любом виде, состоянии, совершенная в крупном размере (ч. 3 ст. 255 УК РФ), без учета особенностей личности виновного может повлечь за собой меньшую ответственность, нежели аналогичное деяние, наказуемое в рамках административного законодательства (ст. 7.5 КоАП РФ), поскольку в последнем случае размер штрафа составляет от двухсот тысяч рублей, а соответствующей нормой Особенной части уголовного закона минимальная граница штрафа не установлена и составляет пять тысяч рублей (ч. 2 ст. 46 УК РФ). На наш взгляд, такая ситуация является недопустимой и подлежит корректировке.

Таким образом, отвечая на поставленный в заглавии вопрос, отмечаем безусловный приоритет системности как фундаментального требования к реализации принципов уголовного права, в частности принципа справедливости. Однако на сегодняшний день системность уголовного закона более фантом, чем реальность. Приходится согла-

ситься с тем, что эта проблема не выходит на первый план в череде задач современной политики. Отсутствие системности в конструкции уголовного закона, по сути, есть константа, сложившаяся законодательная модель, коренные недостатки которой во многом очевидны законодателю, но цель по изменению которой длительное время не ставится.

В статье мы привели примеры отсутствия системности и тезисно наметили пути преодоления недостатков при помощи реализации особого рода шкал. Вопрос о том, каким образом необходимо осуществлять системный подход с использованием соответствующей шкалы, самый сложный в данном контексте. Ответ на него на страницах данной статьи дать невозможно. Очевидно, это должна быть некая модель, построенная на определенных математических основах. Сопоставление системных данных при анализе конкретного криминального эпизода (группы эпизодов) и определение наказуемости следует доверить компьютерной технике. ЭВМ точно и с соблюдением пропорций способна преобразовать соответствующий массив цифровых значений в искомую величину. Роль человека состоит лишь в проверке правдивости загружаемых данных.

Конечно, изложенными соображениями системный подход в уголовном праве не исчерпывается. Как минимум за нормативным этапом реализации системного подхода должен следовать этап систематизации правоприменительной практики. По сути, речь идет о двух системах – первичной (формируется совокупностью правовых норм) и вторичной (образуется совокупностью возникших на их основе правоотношений).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы призвать к переосмыслению концепции построения закона, осознанию того, что есть система уголовного закона, в чьих интересах задаются ее параметры, какие требования к ней предъявляются, каковы ее реальные возможности и какие проблемы способно решить внедрение подлинно системного подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Санташов А. Л., Мухтарова Е. А., Танцюра В. С. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла // Пенитенциар. наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 355–356.

² Новые направления в социологической теории / под ред. Г. В. Осипова. М., 1978. С. 97.

¹ Sm.: Santashov A. L., Muxtarova E. A., Tanczyura V. S. Zakonodatel'naya texnika i ee znachenie dlya pravotvorchestva v sfere otraslej kriminal'nogo cikla // Penitenciar. nauka. 2020. № 14 (3). S. 355–356.

² Novy'e napravleniya v sociologicheskoy teorii / pod red. G. V. Osipova. M., 1978. S. 97.